

Патрушев Сергей

Танец любви

Сергей Патрушев

Танец любви

«Автор»

2026

Патрушев С.

Танец любви / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где магия Огня и Света враждует веками, наследник дома Игнис Дрейк и дочь дома Люминар Агнес совершают невозможное — они влюбляются. Их союз нарушает законы Равновесия, за что влюбленные платят тронem, свободой и родиной. Бежав от инквизиции, они собирают армию таких же «ошибок природы». Но чтобы спасти любимую из золотой клетки, Дрейк заключает сделку с демоном Бездны, выпуская пламя, способное уничтожить континент. Это история о цене свободы, где любовь становится одновременно самым страшным оружием и единственным спасением мира.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Случайный танец	5
Глава 2. Запретная правда	12
Глава 3. Первое свидание в тени	19
Глава 4. Огонь и Тень	25
Глава 5. Подпольная помощь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Патрушев

Танец любви

Глава 1. Случайный танец

Сводчатый потолок Зала Тысячи Свечей был расписан сценами великих побед, но Дрейку Игнису казалось, что он смотрит на карту собственных поражений. Ему было двадцать пять лет, и ровно половину из них — тринадцать с половиной — он провел в обучении искусству войны, дипломатии и управления стихией огня. Сегодня, в пятую годовщину Великого Перемирия, его заставили надеть парадный мундир цвета запекшейся крови, тяжелую золотую цепь с рубином размером с голубиное яйцо и улыбаться людям, чьи семьи еще десять лет назад пытались выжечь земли его рода дотла.

Бал гудел. Это был не веселый гул праздника, а низкое, утробное рычание сытого, но все еще опасного зверя. Магнаты, генералы, послы и их разряженные отпрыски двигались по черно-белому мрамору пола, словно фигуры на гигантской шахматной доске. Каждый шаг здесь был просчитан. Каждое слово взвешено. Воздух, густой от дорогих духов, феромонов и сдерживаемой магии, потрескивал от статического напряжения.

Дрейк стоял у массивной колонны из обсидиана, стараясь слиться с ее прохладной тенью. В правой руке он сжимал бокал с игристым вином, которое уже успело выдохнуться и нагреться. Он чувствовал жар собственной магии под кожей, требующий выхода. Огонь внутри него презирал эти фальшивые улыбки, ненавидел шелест шелка и жеманные смешки. Его отец, лорд Корнелий Игнис, чье лицо напоминало старый пергамент, исписанный тактическими картами, только что оставил сына одного, отправившись шептаться с главой дома Аквилеев о пошлинах на речную торговлю. «Играй свою роль, мальчик, — бросил он перед уходом. — Твоя помолвка с дочерью Восточного Предела через месяц. Пусть они видят, что ты умеешь быть цивилизованным».

Помолвка. Еще один контракт. Еще одна пешка, которую род Игнис передвигает для укрепления границ. Дрейк сделал глоток кислого вина и посмотрел на толпу взглядом человека, запертого в клетке.

Именно поэтому он ее заметил.

Она стояла прямо посреди бушующего моря лиц, у подножия серебряной лестницы, и выглядела как опечатка в идеальном тексте. На ней было платье из простого серого бархата — абсолютно недопустимый цвет для бала в честь Перемирия, где правилом были золото, алый, сапфировый и изумрудный. Ни единого украшения, кроме тонкой нити тусклого серебра в темных волосах. Но главным нарушением протокола была маска.

Здесь маски разрешались лишь первый час, да и то полагались быть инкрустированными бриллиантами или выкованными из мифрила, демонстрируя статус владельца. У незнакомки же лицо скрывала простая полумаска из плотной черной ткани, лишенная даже намек на вышивку. Она не сияла магией напоказ, как остальные женщины, пытавшиеся перещеголять друг друга иллюзорными светлячками или парящими вокруг ледяными цветами. От нее веяло абсолютным, звенящим отсутствием. Пустотой.

Люди инстинктивно обходили ее стороной, создавая невидимый круг радиусом в два метра. Официант с подносом замер, словно забыв, куда шел, и просто смотрел на нее пустыми глазами, пока вино не начало капать на ковер. Музыка оркестра вдруг показалась фальшивой.

Дрейк моргнул. Иллюзия? Или нечто более древнее? Он прищурился, активируя внутреннее зрение мага. Тепловая карта зала вспыхнула перед ним: красные пятна страстей, синие

прожилки страха, ядовито-желтые вспышки зависти. А там, где стояла она — абсолютный ноль. Черная дыра в центре живого мира.

Любопытство оказалось сильнее усталости. Любопытство и внезапное, почти детское желание сделать хоть что-то непредсказуемое за этот бесконечный вечер. Поставить на место всех этих напыщенных индюков, которые пялились на серое пятно так, будто оно оскорбляет их чувство прекрасного.

Он поставил недопитый бокал на край чужого стола, проигнорировав возмущенный взгляд какого-то советника, и пошел сквозь толпу. Это было похоже на движение лодки против течения. Люди расступались перед наследником дома Игнис не из уважения, а потому что воздух вокруг него всегда был на несколько градусов теплее нормы. Жар его дара ощущался физически.

— Вы потерялись? — спросил Дрейк, остановившись в метре от нее. Голос прозвучал хрипло от долгого молчания.

Она медленно повернула голову. Маска скрывала верхнюю часть лица, но губы... Губы тронула едва заметная, горькая усмешка.

— Разве можно потеряться в месте, где каждый твой шаг записывают, чтобы использовать против тебя спустя годы? — Ее голос оказался тихим, с легкой хрипотцой, совершенно неподходящей для утонченной леди. В нем не было ни капли подобострастия. — Я стою на месте. Потерялся зал.

Дрейк невольно усмехнулся. Впервые за весь вечер кто-то заговорил с ним без скрытого расчета.

— Зал стоит на месте последние три века, — ответил он. — Это люди сходят с ума, пытаюсь доказать ему свою значимость. Почему вы в сером?

— Потому что я не хочу ничего доказывать, — она пожала плечами, и ткань платья тихо вздохнула. — Серый — это отсутствие выбора. Самый честный цвет.

— Здесь нет места честности, — Дрейк скрестил руки на груди. Жар его магии стал чуть ощутимее, опалая воздух между ними. — Здесь есть только выгода. Мой отец хочет объединить угольные шахты Севера с портами Юга. Отец той дамы в павлиньих перьях хочет выдать дочь за казначея. Все танцуют, но никто не движется. Мы застряли в янтаре собственного величия.

Незнакомка долго смотрела на него. Дрейк чувствовал, как ее внимательный, изучающий взгляд ощупывает его лицо поверх маски. Казалось, она видит не наследника великого дома, а просто очень уставшего молодого мужчину.

— Вы слишком серьезны для того, кому предстоит танцевать главный вальс вечера с дочерью Восточного Предела, — наконец сказала она. — Говорят, леди Элисия может заставить свой веер гореть синим пламенем во время поклона. Впечатляющий трюк для политической куклы.

Удар пришел точно в цель. Дрейк почувствовал, как уголки его рта дернулись вверх. Леди Элисия действительно любила демонстрировать свои жалкие способности пиromanки на каждом приеме, подпаливая брови половине кавалеров.

— Синий огонь — удел дешевых фокусников, — произнес Дрейк. — Настоящее пламя не нуждается в зрителях. Оно просто берет свое.

— Как и политика, — добавила она.

— Именно. И именно поэтому я собираюсь совершить самую большую политическую ошибку этого десятилетия.

Прежде чем она успела спросить, что он имеет в виду, Дрейк протянул ей руку. Его ладонь была горячей, почти обжигающей даже сквозь тонкую перчатку.

— Потанцуйте со мной.

Вокруг повисла тишина. Не мертвая, а густая, вязкая, полная сотен задержанных дыханий. Оркестр как раз закончил сложную партию скрипок и взял паузу. Десятки голов синхронно повернулись в их сторону. Шепот пополз по залу быстрее лесного пожара: *Наследник Игнис... эта серая мышь... какая дерзость... он пьян?*

Агнес (ибо это была она) посмотрела на его руку, затем перевела взгляд на балкон второго яруса. Там, скрытый в тени колонн, стоял ее старший брат Маркус. Его лицо исказилось от ужаса и ярости. Он беззвучно качал головой, делая резкие жесты рукой. Рядом с ним маячила лоснящаяся физиономия виконта де Бри, главного претендента на ее руку — и, что важнее, на контроль над торговыми путями дома Люминар. Виконт уже начал пробираться к лестнице, раздвигая гостей своим брюхом, затянутым в бордовый бархат.

Агнес знала правила игры лучше, чем кто-либо другой. Дом Люминар торговал светом, информацией и иллюзиями. Их сила заключалась в том, чтобы видеть мир таким, каким его нужно показать другим. Ей было девятнадцать, и вся ее жизнь была расписана в брачном договоре, который лежал сейчас в сейфе отца. Танец с наследником враждебного, пусть и союзного ныне дома — это скандал. Танец с Дрейком Игнисом, чья репутация вспыльчивого дикаря пугала даже его союзников, — это политическое самоубийство. Де Бри получит законный повод обвинить дом Люминар в сговоре. Братья запрут ее в башне до конца дней.

Но потом она снова взглянула на Дрейка. Он не играл. В отличие от остальных мужчин, смотревших на ее декольте или на гербовую брошь, он смотрел ей прямо в глаза над краем черной маски. В его взгляде не было похоти или жадности. Там было отчаянное, почти болезненное понимание. Такое же черное, выжженное пятно усталости, какое жило в ее собственной душе.

— Если я соглашусь, — тихо спросила она, не меняя выражения лица, — ваш отец лишит вас наследства еще до полуночи?

— Он попытается, — честно ответил Дрейк. — Но кровь Игнисов сворачивается плохо. К тому же, — он понизил голос до шепота, наклонившись чуть ближе, — мне надоело бояться своего отца. Один танец. Просто физика тел в пространстве. Никто не сможет записать физику в протокол перемирия.

Это была самая нелогичная фраза, которую Агнес слышала за всю свою жизнь, подчиненную строгой логике чисел и вероятностей.

Виконт де Бри уже ступил на нижнюю ступеньку лестницы. Его маленькие глазки торжественно блестели. Сейчас он окликнет ее, потребует объяснений, начнет сцену...

Агнес вложила свою холодную, узкую ладонь в его раскаленную пятерню.

— Тогда вам придется вести, милорд, — сказала она. — Я давно не практиковалась в правилах этикета.

— К демонам этикет, — выдохнул Дрейк.

Музыка грянула вновь. Вальс Штрауса, обязательный для каждого бала Перемирия — помпезный, громкий, заполняющий собой все пространство.

Дрейк не повел ее плавно, как предписывал учебник танцевальной академии. Он рванул ее в центр зала так стремительно, что серый бархат взметнулся колоколом, а шпильки, удерживавшие сложную прическу половины дам, жалобно зазвенели, выпадая из волос. Агнес едва успела переступить ногами, доверяя его инерции.

И в тот момент, когда их тела сблизилась, положенная дистанция в фут мгновенно сократилась до опасного дюйма, мир перестал существовать.

Для обычного человека это выглядело странно: мрачный юноша в красном кружит в агрессивном, почти хищном темпе девушку в сером. Но для любого мага, способного чувствовать потоки эфира, зал превратился в эпицентр катастрофы.

Магия Дрейка вырвалась из-под контроля в ту же секунду, как кожа Агнес оказалась в волоске от его кожи. Он не пытался призвать огонь. Тот сам рванул наружу, реагируя на

первобытный хаос танца. Воздух вокруг них засветился, загустел. Золотистые искры, похожие на пыльцу, сорвались с кончиков пальцев Дрейка. Они не обжигали. Они пульсировали в ритме его бешено стучащего сердца.

Агнес ахнула. Она пыталась удержать свои щиты. Всю жизнь ее учили прятать силу, создавать видимость, отводить глаза. Ее дар — магия иллюзий дома Люминар — был текучим, обманчивым, сотканным из лунного света и преломления лучей. Обычно она создавала фантомных бабочек, чтобы скрыть румянец смущения, или легкий туман, чтобы уйти от неприятного разговора.

Но столкновение с чистой, необузданной энергией Дома Игнис сработало как удар огнива о кресало.

Ее защита рухнула.

Из-под краев ее рукавов, из складок серого бархата, прямо из ее дыхания начали рождаться создания иного порядка. Сотни крошечных мотыльков, сотканных не из магии света, а из чистого золота и расплавленного времени. Они не махали крыльями — они вибрировали, рассекая воздух с тихим, мелодичным звоном, похожим на звук хрустальных бокалов.

Искры Дрейка столкнулись с золотыми бабочками Агнес.

Произошло невозможное. Физика балов умерла.

Огонь никогда не должен был сплетаться с иллюзией так плотно. По законам элементаристов, они должны были уничтожить друг друга — аннигилировать в яркой вспышке, оставив после себя запах озона и пепла. Но вместо взрыва родилась новая материя.

Искры вплетались в крылья бабочек, становясь их венами. Бабочки впитывали жар, превращаясь в крошечные живые звезды. Они закружились вокруг пары плотным, непроницаемым коконом. Внутри этой сферы исчезли ревущий оркестр, шокированные лица аристократов, виконт де Бри, захлебнувшийся собственным возмущением на лестнице, и лорд Корнелий Игнис, чей рот открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы. Исчез Зал Тысячи Свечей.

Остались только они двое. И космос, родившийся между их ладонями.

Темп вальса ускорился. Теперь музыка звучала не снаружи, а внутри их костей. Дрейк вел ее жестко, властно, каждым поворотом вбивая ее тело в свое, проверяя предел прочности пространства. Его правая рука лежала на ее талии, и сквозь тонкий бархат Агнес чувствовала не тепло — она чувствовала пульсацию плазмы. Левая рука Дрейка сжимала ее пальцы, и она понимала, что если отпустит его, то рассыплется миллиардом золотых пылинок.

— Что... что вы делаете? — прошептала она, хотя губы едва шевелились. Звук голоса тут же поглотился золотым свечением.

— Понятия не имею, — прорычал он в ответ, и его дыхание коснулось ее ключицы. Глаза Дрейка, обычно холодного серого оттенка стали, сейчас пылали настоящим янтарем. Зрачки расширились, затопив радужку. — Держитесь. Меня несет.

Его ноги двигались с убийственной точностью боевого клинка, но направление задавал не мозг. Им правила сама стихия. Он перекинул ее через бедро, прогибая в спине так глубоко, что волосы Агнес коснулись пола. Золотые бабочки послушно расступились, образуя идеальный купол, а затем сомкнулись снова, подбрасывая их обратно в вертикаль одним мягким толчком эфира.

Агнес закрыла глаза, полностью отдаваясь потоку. Она больше не управляла своей магией. Магия управляла ею, откликаясь на зов его души. Она видела внутренним взором то, чего не видел даже он: истинную форму его дара. Это был не просто огонь. Это была молодая, голодная звезда, сжатая гравитацией долга и традиций до состояния белого каления. Она чувствовала его одиночество — такое же огромное и обжигающее, как поверхность солнца. Он жил в вакууме ожиданий, и впервые за долгие годы кто-то подошел достаточно близко, чтобы не сгореть, а отразить этот свет.

В ответ ее собственная сущность — вечно прячущаяся, дробящаяся на отражения — начала собираться воедино. Иллюзии перестали быть маской. Они стали зеркалом. Каждая золотая бабочка теперь отражала не свет канделябров, а суть самого Дрейка. В тысячах крошечных фасеточных глаз она показала ему его самого: не жестокого зверя, которым его считали при дворе, и не благородную марионетку, которой хотел видеть отец, а невероятно живое, уязвимое существо, жаждущее прикосновения.

Они пролетели мимо балкона. Маркус перегнулся через перила, его лицо стало белым как мел. Виконт де Бри упал в кресло, обмахиваясь платком — жара внутри золотого кокона превышала температуру сауны. Кто-то из старых магов-наблюдателей схватился за сердце, фиксируя беспрецедентный выброс энергии: уровень Архимага, неконтролируемый, спонтанный, возникающий при слиянии двух противоположных полюсов.

— Посмотрите на меня, — приказал Дрейк, резко останавливая вращение.

Центробежная сила швырнула Агнес прямо на его грудь. Их тела впечатались друг в друга с такой силой, что из легких выбило воздух. Одна из золотых бабочек запуталась в его темно-медных волосах, осветив прядь изнутри чистым червонным золотом.

Агнес открыла глаза.

Маска все еще была на ее лице, но она больше ничего не скрывала. Сквозь черный шелк Дрейк видел каждую ресницу, каждую микроскопическую россыпь веснушек на ее переносице, влажный блеск ее губ. Он видел ее душу — усталую, мудрую не по годам, запертую в клетке из драгоценностей и обязательств.

— Я вижу, — сказал он хрипло.

Его свободная рука поднялась. Он осторожно, двумя пальцами, зацепил край черной ткани и потянул. Ткань поддалась с легким треском, обнажая ее лицо.

Она была прекрасна той спокойной, классической красотой, которая не требует кричащих платьев. Высокие скулы, прямой нос, огромные карие глаза, в которых сейчас плавилась золотые блики его магии.

— И я тоже, — ответила она.

Ее голос дрогнул. Она видела в нем трещины. Видела маленького мальчика, которого заставляли держать раскаленный докрасна тренировочный меч, пока ладони не покрывались ожогами. Видела его страх оказаться недостойным короны и его лютую ненависть к этому страху.

Расстояние между их лицами исчезло.

Поцелуй не был нежным. В нем не было трепетной робости первого бала. Это был акт капитуляции и завоевания одновременно. Столкновение отчаяния и надежды.

Когда их губы соприкоснулись, золотой кокон взорвался.

Волна чистой силы прокатилась от центра зала к стенам. Окна-витражи, изображавшие сцены подписания Первого Мира, осыпались внутрь миллионами безопасных стеклянных хлопьев, которые зависли в воздухе, подсвеченные багровым заревом. Канделябры качнулись, свечи погасли от порыва ветра, а затем загорелись вновь — зеленым, фиолетовым и оранжевым пламенем.

Весь высший свет Империи лежал на паркете. Кто-то потерял сознание от сенсорного шока, кто-то судорожно творил защитные знаки. Лорд Корнелий стоял на коленях среди осколков, глядя на своего сына, который целовал серую мышь посреди разрушенного зала, и понимал, что политическая карта континента изменилась навсегда в течение одной музыкальной фразы.

Дрейк и Агнес не замечали апокалипсиса. Для них схлопнулось время. Поцелуй длился вечность. Он пил ее дыхание, она вдыхала его жар. Его руки, способные плавить сталь, дрожали, прижимая ее к себе так бережно, словно она была сделана из тончайшего фарфора. Ее пальцы впились в его плечи, комкая жесткий парадный мундир, разрывая золотую нить эполет.

Наконец, им пришлось разорвать контакт. Оба тяжело дышали. Между их губами натянулась тонкая, светящаяся нить слюны и растворенной магии, которая вспыхнула и погасла.

Зал медленно приходил в себя. Слышались стоны, звон упавшего столового серебра, испуганные крики прислуги.

Дрейк первым опустил взгляд на свои руки. Правая перчатка сгорела полностью, обнажив покрытую мелкими шрамами ладонь. На коже не осталось ни единого следа ожога, но линии судьбы теперь слабо фосфоресцировали. Он посмотрел на Агнес. Ее серое платье тлело по краям, превращаясь в пепельную паутину. Несколько золотых бабочек все еще кружили вокруг ее головы, словно верный почетный караул.

— Кажется, мы сломали зал, — прошептала она, и уголок ее рта дернулся в попытке удержать смех.

— Кажется, мы сломали континент, — отозвался Дрейк.

Он все еще держал ее за талию. Мир вокруг был разрушен, война могла начаться заново прямо здесь и сейчас, его отец наверняка уже писал приказ о его аресте, а братья Агнес, вероятно, обнажали спрятанные под камзолами кинжалы.

Но Дрейк Игнис, стоя в центре остывающего кратера собственной жизни, чувствовал себя абсолютно трезвым и живым впервые за десять лет.

— Как вас зовут? — спросил он, проводя большим пальцем по ее обнаженной скуле.

— Агнес, — ответила она. — Люминар. И мой брат убьет нас обоих примерно через тридцать секунд.

— Пусть попробует, — Дрейк перехватил ее руку удобнее, готовясь либо принять бой, либо бежать. — Моя фамилия Игнис. Мы плохо умираем быстро.

Из толпы, расталкивая потерявших сознание советников, к ним пробивался лорд Корнелий. Лицо главы дома Игнис цветом напоминало вареную свеклу. За ним, хромя и придерживая вывихнутую челюсть, спешил виконт де Бри. Со стороны лестниц уже спускались трое старших братьев Агнес, и их движения не предвещали ничего хорошего.

Дрейк глубоко вдохнул. Запах паленого бархата, озона и духов Агнес — нотки ночной фиалки и чего-то металлического — ударил в голову крепче любого вина.

Он наклонился к самому уху девушки:

— Когда спросят, почему начался переполох, скажите, что я наступил вам на ногу.

— Они не поверят, — выдохнула она. — После такого уровня фоновой радиации любой целитель увидит, что мы инициировали резонанс первой степени. Это юридически считается актом заключения брака стихий в пяти королевствах из семи.

Дрейк замер. Информация доходила до его ошарашенного мозга медленнее, чем до мышц. Резонанс первой степени случался раз в столетие. Спонтанный брак стихий нельзя расторгнуть церковью или судом — только смертью одного из элементов.

— То есть... мы случайно поженились? — уточнил он, наблюдая, как к ним приближается неизбежное возмездие в лице разгневанного дворянства.

Агнес посмотрела на свою руку, которую он продолжал крепко держать. Затем перевела взгляд на его лицо. Страх в ее глазах боролся с чем-то новым, ярким и пугающе радостным.

— Похоже на то, — тихо подтвердила она. — Добро пожаловать в мою идеально спланированную катастрофу, муж.

Лорд Корнелий был уже в трех шагах. Его рука легла на рукоять церемониального меча.

Дрейк посмотрел на жену. На ее растрепанные волосы, на тлеющее платье, на абсолютную, восхитительную неправильность всего происходящего.

Он улыбнулся. Это была широкая, искренняя, абсолютно разрушительная улыбка человека, которому больше нечего терять.

— Наконец-то, — сказал он, загораживая Агнес собой и принимая защитную стойку, разворачивая плечи навстречу буре. — Хоть какой-то настоящий огонь.

Глава 2. Запретная правда

Воздух в Зале Тысячи Свечей пах озоном, гарью и крушением династий. Золотые бабочки Агнес, лишившись подпитки от их сплетенных аур, медленно истаивали, роняя на черно-белый мрамор пола капли застывшего света, похожие на янтарную крошку. Музыка давно смолкла. На смену вальсу пришли звуки хаоса: надсадный кашель лорда Аквилея, пытавшегося выбраться из-под рухнувшей портьеры, тихий плач фрейлины леди Элисии, обжегшейся о раскаленную колонну, и тяжелое, срывающееся дыхание Дрейка.

Агнес стояла за его спиной, инстинктивно прячась между лопатками мужа — слово это прозвучало в ее голове оглушительно и пугающе правильно, — чувствуя кожей исходящий от него жар. Он был живым щитом. Тридцать секунд, которые она отвела им до начала бойни, подходили к концу.

Первым сквозь расступившуюся, парализованную ужасом толпу пробился не отец Дрея, как они ожидали, а Маркус Люминар. Старший брат Агнес двигался с грацией хищной птицы — стремительно и абсолютно бесшумно, несмотря на тяжелые сапоги. За ним, словно тени, следовали близнецы Илай и Роуэн. В руках у них не было оружия — дом Люминар редко пачкал сталь кровью, предпочитая яды и кинжалы из уплотненного воздуха, — но сами их фигуры искажали пространство, преломляя свет канделябров под неестественными углами.

— Не двигаться, Игнис, — голос Маркуса резанул по ушам, как стекло по натянутой струне.

Дрейк даже не обернулся. Его плечи, напряженные до состояния стального троса, едва заметно расслабились. Он услышал то, что хотел услышать: в голосе врага не было паники. Только холодная, расчетливая ярость. С таким противником можно говорить.

— Убери своих цепных магов, Маркус, — ровно произнес Дрейк, не опуская рук. Кончики его пальцев все еще тлели вишневым. — Если ты сделаешь шаг, здесь станет очень темно. Я гарантирую, что ни один светильник дома Люминар не загорится снова в радиусе ста лиг. Вы будете читать свои священные трактаты при свечах из свиного жира следующие десять лет.

— Угрожать мне в моем же доме? — Маркус остановился в десяти шагах. Его взгляд метнулся поверх плеча Дрейка, впиваясь в сестру. — Агнес. Иди ко мне. Немедленно.

Агнес выглянула из-за спины мужа. Лицо брата было белым пятном в полумраке разрушенного зала. Она видела, как ходят желваки на его скулах, как дергается нерв под глазом. Маркус был в бешенстве, но это была ледяная стадия гнева — самая опасная. Когда он начинал говорить тихо, кто-то обязательно умирал.

— Я не могу, Марк, — сказала она. Ее голос звучал удивительно твердо для девушки, чье платье превратилось в пепел на бедрах. — Стихии уже сделали выбор.

По рядам гостей прокатился единый, судорожный вздох. Лорд Корнелий Игнис, наконец прорвавшийся через кольцо шокированных советников, замер с занесенной для шага ногой. Его лицо, обычно напоминающее высеченную из гранита маску, пошло багровыми пятнами. Он смотрел на сына так, словно видел перед собой ядовитую змею, заползшую в детскую колыбель.

— Какого демона... — начал глава дома Игнис, переводя взгляд с обугленных остатков серого платья Агнес на руку Дрейка, которая покоилась на талии девушки. Пальцы сына были переплетены с пальцами дочери Люминаров. — Что это за балаган?

— Это брак стихий первой степени, отец, — спокойно ответил Дрейк. — Незарегистрированный, спонтанный, инициированный во время официального государственного приема. Согласно Кодексу Четырех Королевств, пункт сорок два, примыкание...

— Мне плевать на Кодекс! — взревел Корнелий, брызжа слюной. Его рука легла на эфес боевого клинка. Кровь предков-воителей взяла верх над политиком. — Ты сошел с ума? Ты совокупился с дочерью Светоносцев прямо посреди бала? Оpozорил род! Предал память деда!

Слово «совокупился» ударило Агнес наотмашь. Она невольно сделала полшага назад, но рука Дрейка на ее талии сжалась, удерживая на месте. Не больно, но непреклонно. *Моя*, говорил этот жест. *Никто не посмеет*.

— Память деда сгорела вместе с пограничными лесами тридцать лет назад, — отрезал Дрейк, впервые поворачиваясь лицом к отцу. Глаза наследника Игнисов больше не пылали безумием боя. Они стали похожи на жерла двух вулканов, готовых к извержению. — Дед жег их деревни, потому что ему не нравился цвет их храмов. Мы подписали Перемирие, чтобы прекратить эту бессмысленную резню. Или ты забыл условия договора, пока пересчитывал налоги с шахт?

Корнелий задохнулся от такой наглости. Советники зашептались громче. Союз домов трещал по швам прямо сейчас, осыпая присутствующих осколками дипломатического фарфора.

— Молчать! — рявкнул лорд Игнис. — Взять его. Обезоружить. Девку запереть в восточном крыле до выяснения обстоятельств. Я лично выжгу эту мерзость из твоей крови, мальчишка.

Два личных гвардейца Корнелия двинулись вперед. Их броня тускло блестела. Это были ветераны, закаленные в пограничных стычках. Но они остановились, когда воздух вокруг Дрейка пошел маревом. Температура в радиусе пяти метров резко подскочила. Паркет под сапогами воинов начал темнеть, покрываясь пузырями лака.

— Еще шаг, сержант, и ваши латы приварятся к коже, — предупредил Дрейк. — Я люблю отца. Я почитаю свой долг перед родом. Но если вы попытаетесь разлучить меня с женой, я перестану быть сыном. Я стану катаклизмом.

Наступила тишина, густая и звенящая. Даже раненые перестали стонать.

Маркус Люминар медленно выдохнул. Он опустил руки, и призрачные лезвия из сжатого света, готовые сорваться с его ладоней, растворились в воздухе.

— Катаклизм, значит, — повторил он задумчиво, глядя на зятя совершенно новым взглядом. — Интересно. Отец учил нас, что кровь Игнисов предсказуема. Огонь всегда сжигает дотла. Но твой огонь... он изменился. Он научился гореть внутрь.

— Хватит философствовать, Светоносец, — процедил Корнелий. — Назови хоть одну причину, почему я не должен приказать страже убить вас обоих прямо сейчас, аннулировать договор о перемирии и забрать твои серебряные рудники силой. Измена роду карается смертью. Связь с врагом рода — мучительной казнью.

Дрейк отпустил талию Агнес, заставив себя выпрямиться во весь рост. Теперь он стоял между двумя враждующими армиями, между отцом и мужем, выглядя одновременно нелепо в прожженном мундире и пугающе величественно.

— Причина стоит рядом с тобой, старик, — сказал Дрейк. — Посмотри на нее внимательно. Не как на дочь Люминаров. Просто посмотри.

Корнелий перевел тяжелый взгляд на Агнес. Девушка выдержала его. Она расправила плечи, хотя ткань платья сползала с них жалкими лоскутами. Она не пыталась прикрыться. Под взглядом свекра она ощущала странное, почти мазохистское спокойствие. Пусть смотрит. Пусть видит ту, что сломала хребет его амбициям.

— Я вижу девчонку, которая околдовала моего идиота-сына дешевыми фокусами, — прорычал Корнелий.

— Нет, — мягко возразил Дрейк. — Ты видишь женщину, чья внутренняя температура тела сейчас составляет около тридцати четырех градусов. Идеальная норма. А моя, — он вытянул вперед обожженную, дымящуюся руку, — сто восемьдесят по шкале Цельсия. По законам

термодинамики, отец, мы должны аннигилировать друг друга. При соприкосновении материя должна обратиться в чистую энергию. Вспышка. Белый шум. Пустота. Так написано в ваших трактатах, святой отец? — последние слова он бросил в сторону седобородого патриарха храма Огня, который прижимал к груди опаленный требник.

Патриарх мелко закивал. Его губы беззвучно шевелились, творя охранные знаки.

— Наши догматы гласят, что союз Пламени и Блеска есть ересь, — прокрипел старик. — Нечистые стихии. Инь и Ян падших богов. Дети такого союза рождаются проклятыми, неспособными удержать форму, вечно страдающими от саморазрушения плоти. Великий Очищенный Костер ждет любого, кто дерзнет смешать эти потоки вне ритуальной клетки Верховного Жреца.

— Вот оно, — кивнул Дрейк. — Страх. Вечный страх вашего бога, что однажды люди поймут: огонь дает тепло, а свет позволяет видеть дорогу. Без одного нет другого. Вы веками делите неделимое, чтобы оправдать свою жадность.

Он сделал шаг в сторону отца, заслоняя Агнес собой полностью.

— Я слушал тебя всю жизнь. Я глотал дым твоих походных костров. Я учился ненавидеть тех, кто молится другому имени Творца. И знаешь, что я понял сегодня, танцуя с ней? — Дрейк усмехнулся краем рта. — Мой огонь никогда не был чистым. Внутри каждого самого яростного пожара живет пустота. Холод вакуума. Я сжигал мир вокруг, чтобы не чувствовать, как замерзает душа. А ее иллюзии... они тоже не были светом. Иллюзия — это просто отсутствие тьмы. Красивая ширма, за которой скрывается такая же бездна.

Дрейк повернулся к жене. Его лицо смягчилось, теряя жесткие линии военной аристократии.

— Когда наши магии столкнулись, Агнес дала моему пламени зеркало. Впервые мой огонь увидел сам себя. Он перестал быть слепой разрушительной силой. Он стал созиданием. А мои искры дали вес ее бабочкам. Они больше не фантомы. Они имеют массу. Тепло. Плоть.

Он взял ее руку и поднял так, чтобы все видели. Там, где соприкасались их запястья, кожа мерцала. Медленное, глубокое свечение пульсировало под эпидермисом — рубиновое золото Игнисов, переплетенное с лунным серебром Люминаров. Узоры складывались в сложный геометрический символ, похожий одновременно на снежинку и языковое пламя.

— Мы не больны, — голос Дрейка зазвенел под высокими сводами, перекрывая шепот толпы. — Мы исцелены. То, что ваш мертвый бог называет ересью, физики называют резонансом. Закон сохранения энергии. Две половины уравнения, наконец нашедшие друг друга.

Маркус Люминар выступил вперед. Он прошел мимо остолебеневшего Корнелия, игнорируя его присутствие, и подошел вплотную к паре. Глава дома Светоносцев был на голову ниже Дрейка, но сейчас казалось, что именно он заполняет собой все пространство.

— Ты говоришь складно, Воин, — сказал Маркус, пристально изучая сияющие узоры на руке сестры. — Но слова не отменяют биологию. Догматы пишут кровью, мальчик. Кровью тех, кто пытался сделать это до вас.

— Были другие? — спросила Агнес внезапно охрипшим голосом.

— Каждые двести-триста лет, — Маркус не отводил взгляда от Дрейка. — Всегда одно и то же. Юный, горячий отпрыск Игнисов, уставший от войны. И слишком умная, слишком чувствительная дочь Люминаров, уставшая от масок. Случайная встреча. Искра. Резонанс. Они думают, что изменят мир любовью. Они возвращаются в замки, объявляют о браке...

Маркус сделал паузу. Его глаза потемнели, вспоминая старые семейные архивы.

— ...и сгорают заживо изнутри через три дня. Физиология отвергает метафизику, Дрейк. Ваши ядра конфликтуют. Твой огонь пытается переварить ее структуру, считая чужеродным элементом. Ее свет рассеивает твою плотность, превращая мышцы в туман. Вы держитесь друг за друга сейчас на чистом адреналине и эндорфинах танца. Отпусти ее руку. Посмотри, что будет.

В зале стало слышно, как падает пыль.

Предложение повисло в воздухе. Простое, логичное, смертоносное.

Отпустить. Вернуть статус-кво. Признать, что произошедшее в центре зала было лишь пьяной горячкой, сбоем системы. Корнелий напрягся, готовый отдать приказ в тот же миг, как пальцы сына разомкнутся. Братья Агнес подобрались, готовясь схватить девушку, если та решит броситься обратно в объятия убийственного огня.

Дрейк посмотрел на их сцепленные руки. На идеальный баланс температур. Ему хотелось рассмеяться в лицо брату. Адреналин? Да. Эндорфины? Безусловно. Но помимо химии тела существовала физика душ.

— Ты боишься, Маркус, — тихо сказал Дрейк. — Не за сестру. За власть. Дом Люминар торгует информацией. Ваша сила в том, что вы контролируете восприятие. А теперь появилась аномалия, которую нельзя скрыть иллюзией. Нас видят такими, какие мы есть. И это пугает вас больше, чем война.

— Это убьет ее! — рявкнул Маркус, теряя остатки аристократической сдержанности. — Я видел записи, Дрейк! Предыдущая попытка закончилась тем, что муж испарился, оставив после себя только лужу расплавленного золота, а жена рассыпалась черной сажой, которая впиталась в камни замка! Ты хочешь стать мучеником? Стань им! Но не тяни мою сестру в могилу за компанию!

Агнес почувствовала, как внутри все леденеет. Лужа золота. Черная сажа. Камни замка. Священник бормотал молитвы об очищающем пламени все громче. Толпа, минуту назад восхищенная их чудом, теперь смотрела на них как на ходячих мертвецов, источающих радиацию. Кто-то из дам упал в обморок. Виконт де Бри крестился дрожащей рукой.

Она подняла свободную руку и коснулась щеки Дрейка. Кожа под ее пальцами была гладкой, горячей, совершенной.

— Он прав? — спросила она, обращаясь только к мужу. Шепот, который услышали все благодаря акустике купола. — Мы распадемся?

Дрейк перехватил ее ладонь и прижал к своей груди, туда, где под мокрым от пота шелком рубашки тяжело и мощно билось сердце.

— Прикоснись глубже, — велел он. — Не кожей. Смотри в суть.

Агнес закрыла глаза. Она устала бояться. Устала прятаться. Она позволила своему дару — этому хитрому, всепроникающему свету — соскользнуть с поверхности кожи и нырнуть внутрь мужчины, которого ей навязали в мужья силы, куда более древние, чем оба их дома.

Ее сознание прошло сквозь слой мышц, сквозь горячее течение крови и ударилось о нечто монолитное. Ядро души Дрейка. Оно выглядело как ядро звезды — бурлящий океан жидкого рубина. И внутри этого океана, там, где по всем законам природы должна была зиять черная дыра одиночества, теперь жила структура. Сложная, филигранная сеть из холодного серебра. Ее собственная суть.

Она увидела себя его глазами. Не как хрупкую куклу, а как несущую конструкцию. Серебряные нити ее воли оплетали нестабильную плазму его дара, создавая каркас. Без нее его звезда неизбежно расширится, поглотит планеты и схлопнется сама в себя. Без него ее тонкие нити света провиснут, потеряв гравитационный центр, и развеются космическим мусором.

Они не уничтожали друг друга. Они давали друг другу форму.

Агнес открыла глаза. Слезы текли по ее щекам, мгновенно испаряясь, не долетая до подбородка — настолько горячим было ее нынешнее состояние.

— Мы не распадемся, — громко сказала она, глядя на брата. — Мы кристаллизуемся.

Маркус побледнел еще сильнее. Слово «кристаллизация» в контексте стихийной магии означало необратимый процесс. Создание нового минерала. Новой, третьей сущности.

— Довольно сказок! — взревел Корнелий, делая шаг вперед. Его терпение лопнуло. — Стража! Выполнять приказ! Убить обоих, если сопротивляются!

Гвардейцы снова качнулись вперед. Воздух наполнился запахом грозы — это братья Агнес начали собирать статическое электричество, формируя копыа чистого напряжения.

Зал ошетинился сталью и магией. Началось бы кровопролитие, которое действительно могло утопить континент в огне, если бы в этот момент не произошло событие, прервавшее человеческую суету.

Температура в центре зала, непосредственно вокруг Дрейка и Агнес, упала мгновенно. На пятьдесят градусов за долю секунды.

Пар изо рта людей превратился в густой иней. Окна, разбитые взрывом, заросли толстой коркой льда снаружи, хотя на дворе стояло лето. Золотые бабочки окончательно умерли, обратившись в изваяния из драгоценного металла, припорошенные снегом.

Огонь Дрейка погас. Полностью. Не ушел вглубь, не притух — исчез, будто залитый абсолютным нулем. Мужчина пошатнулся, хватая ртом воздух. Цвет покинул его лицо, сменившись восковой бледностью. Пульсирующая вязь на их запястьях вспыхнула в последний раз невыносимо ярким белым светом и втянулась под кожу, став невидимой для обычного зрения.

А затем из теней за тронем, там, где висел огромный гобелен с изображением Первого Императора, соткалась фигура.

Это не был человек. Это вообще вряд ли относилось к материальному миру. Высокая, закутанная в мантию, сотканную из самой ночи, сущность. У нее не было лица, но все присутствующие физически ощутили тяжесть взгляда, упавшего на пару.

Лорд Корнелий поперхнулся приказом. Патриарх Огня рухнул на колени, разбивая лоб о камень.

— Инквизитор, — прошептал Маркус Люминар. Его голос сел от ужаса. — Орден Равновесия.

Фигура медленно простерла руку, затянутую в черную перчатку, указывая на соединенные руки супругов. Голос, раздавшийся в головах всех присутствующих одновременно, не имел пола или возраста. Он звучал как скрежет тектонических плит.

«прерывание протокола».

Пространство дрогнуло. Двое гвардейцев, успевших занести мечи, замерли, превратившись в соляные столбы. Их форма осыпалась прахом.

«объект: дрейк игнис. объект: агнес люминар. статус: связанные. уровень аномалии: абсолют».

Инквизитор повернул свою безликую голову сначала к главе дома Игнис, затем к главе дома Люминар. Давление в зале стало невыносимым. Казалось, стены из базальта сейчас начнут плавиться от одной только концентрации власти этой фигуры.

«родители. опекуны. хранители крови. вы нарушили договор от тринадцатого года».

— Мы соблюдали границы! — прохрипел Корнелий, падая на одно колено. Гордость старого льда ломалась под прессом божественной иерархии. — Мы не переходили Перевал!

«границы не в камне, старик. границы в крови», — прогремел голос. — «вы подписали перемирие, запретивши смешение сути. но вы забыли, что суть не знает стен. ваши дети нашли друг друга не из-за лжи политиков. они нашли друг друга, потому что мир устал быть разрезанным».

Инквизитор шагнул вперед. Мраморный пол трескался под его ногами причудливыми узорами инея. Он навис над Дрейком, который едва стоял на ногах, опираясь на Агнес. Девушка поддерживала мужа, передавая ему частицу своего прохладного света, пытаясь согреть вымораживаемую душу.

«вы думали, что огонь и свет — это враги?» — продолжил Инквизитор, и в его ментальном голосе послышалась нотка бесконечной, древней усталости. — «как глупо. огонь рождается в темноте ядра. свет — это всего лишь огонь, которому разрешили не сгорать. вы два тысячелетия воевали сами с собой».

Фигура протянула руку и коснулась лба Дрейка. Тот вскрикнул — коротко, по-звериному. Его тело выгнулось дугой. Агнес попыталась оттолкнуть Инквизитора, но ее руки прошли сквозь черный бархат, не встретив сопротивления.

Когда Инквизитор убрал палец, на лбу Дрейка, между бровями, проступила сложная татуировка цвета раскаленного угля. Знак Феникса, пожирающего собственную тень.

Затем палец в черной перчатке переместился к лицу Агнес. Она не дрогнула, лишь крепче прижала к себе слабеего мужа. Касание было мгновенным. На ее ключице проявился знак Полной Луны, поглощающей солнечное затмение.

«хватит», — вынес вердикт Инквизитор. — «вы искали ересь в каждом дыму. но ересь — это пытаться разделить целое. то, что произошло сегодня, не брак. это коррекция реальности. мир сам заживает свои раны».

Инквизитор развернулся. Его мантия взвихрилась, поднимая вихрь ледяной пыли.

«дома игнис и люминар. отныне вы — один дом. одна плоть. один герб».

— Никогда! — взвыл Корнелий, пытаясь подняться. — Мой род чист тысячи лет! Мы скорее вымрем!

«вымрите», — равнодушно согласился инквизитор. — «если посмеете поднять руку на то, что освящено равновесием. любая попытка аннулировать этот союз, любая попытка физического или магического разделения объектов приведет к активации автоматического стирания рода. ваши замки обратятся в пепел, а имена будут вычеркнуты из списков времени. они принадлежат друг другу. принадлежат миру».

Фигура начала растворяться, уходя обратно в первозданную тень за гобеленом.

«соблюдайте карантин. никаких контактов с внешним миром в течение цикла. обучайтесь. адаптируйтесь. ваша любовь — это не ваша заслуга. это работа. начинайте».

Последние слова растаяли вместе с холодом. Температурный баланс зала медленно вернулся к норме. Лед на окнах с хрустальным звоном осыпался вниз. Солевые статуи гвардейцев рассыпались кучками грязной соли.

Тишина стала иной. Она больше не звенела напряжением. Она давила осознанием неизбежности.

Дрейк упал. Его ноги подкосились, и он рухнул бы на пол, если бы не Агнес. Она приняла его вес на себя, скользя коленями по острому мрамору. Ее легкое сложение не должно было выдержать мужчину в латах, но новая, совместная гравитация работала иначе — часть массы Дрейка теперь принадлежала пространству вокруг нее.

Корнелий смотрел на символы на лицах детей. На свой собственный перстень, который вдруг стал невыносимо тяжелым и холодным, символизируя потерю статуса единоличного главы. Рядом рыдал в голос патриарх, читая новые, страшные строки в воздухе, которые переписывало само бытие.

Маркус долго смотрел на сестру. Затем перевел взгляд на зятя. В глазах Светоносца не осталось ненависти. Только масштаб поражения и капля научного интереса.

— Кристаллизация, — повторил он глухо. — Значит, третья стихия. Метастабильный эфир.

— Помогите мне, — хрипло попросила Агнес, пытаясь приподнять бессознательного Дрейка. Его кожа была холодной, как у утопленника, а дыхание едва уловимым. Внутренний огонь, которым он так гордился, был временно погашен касанием Инквизитора для перезагрузки системы. — Он умирает. Система перегружена.

Маркус моргнул, выходя из транса. Он кивнул своим братьям. Те, помедлив мгновение, подошли и взяли Дрейка за ноги. Маркус подхватил его под плечи.

Впервые в истории представители домов Игнис и Люминар несли одного человека вместе.

— Восточное крыло, — распорядился Маркус, проходя мимо отца Агнес, который сидел на ступенях трона, раскачиваясь из стороны в сторону и бормоча молитвы обоим враждующим богам сразу. — В северную спальню. Там изолированные щиты. Нам понадобятся лекари обеих конфессий. Старые дураки-фанатики будут лечить ожоги, а нам нужно спасать структуру ДНК.

Они пронесли Дрейка через разгромленный зал. Толпа почтительно, в животном ужасе, расступалась перед ними. Никто не смел преградить путь носителям Знаков Равновесия.

Агнес шла рядом, держа мужа за руку. Она смотрела на его бледное, осунувшееся лицо. На новую татуировку, которая слегка пульсировала в такт ее собственному сердцу.

Страх никуда не делся. Страх перед догматами, перед фанатиками, перед физиологией, которая могла взбунтоваться завтра утром. Но под этим липким, животным ужасом зарождалось нечто новое. Абсолютное, холодное спокойствие существа, познавшего законы вселенной собственным телом.

Их любовь не была обречена. Любовь — это всего лишь красивое слово для описания сложной химической реакции. А то, что связало их — древняя, как само мироздание, математическая константа.

Запретная правда заключалась не в том, что их семьи враждовали. Запретная правда была в том, что их вражда изначально была ошибкой архитекторов мира. И сегодня ночью эта ошибка начала исправляться, выжигая на телах первых апостолов новой эпохи клеймо неизбежности.

Агнес перешагнула порог спальни, плотно закрыв за собой дверь, отсекающую рев разъяренного Корнелия и растерянный вой дома Люминар. Здесь, в тишине комнат, пропитанных запахом лаванды и озона, началась их настоящая жизнь. Жизнь вопреки природе, благодаря природе и по прямому приказу того, кого смертные называли Богом Равновесия.

Дрейк застонал на руках братьев, приходя в себя. Его ресницы дрогнули. Затуманенные болью глаза сфокусировались на лице жены.

— Танец... закончился? — прошептал он запекшимися губами.

— Для всех остальных — да, — ответила Агнес, влажной тканью стирая испарину с его лба, стараясь не касаться свежей метки. — Для нас музыка только началась. И следующий танец будет длиться вечность.

За дверью, в главном зале, лорд Корнелий Игнис отдавал приказ упаковать вещи. Он собирался ехать к королю с требованием расторгнуть союз, объявить детей сумасшедшими и начать войну. Старый лев все еще пытался рычать, не понимая, что клетка уже закрыта, а ключ брошен в океан времени.

Глава 3. Первое свидание в тени

Седьмая ночь после Бала Перемирия выдалась безлунной. Идеальной для побега, убийств и любви — трех занятий, которые дом Игнис всегда считал вариациями одного и того же акта преодоления невозможного.

Дрейк стоял на гребне внешней стены резиденции Люминаров. Камень под его сапогами был влажным от ночной росы и охлаждал ступни даже сквозь толстую кожу. После прикосновения Инквизитора прошло шесть дней, но Дрейку казалось, что внутри него все еще идет ледниковый период. Великий Очистительный Костер Патриарха не помог — огонь отказывался разгораться. Попытка зажечь свечу взглядом вчера закончилась тем, что фитиль покрылся инеем, а у самого Дрейка пошла носом кровь от температурного шока.

Его ядро пустовало. Или, точнее, оно было запечатано. Знак Феникса на лбу пульсировал ровным, глубоким теплом, словно спящий вулкан, но доступ к стихии был перекрыт. Это была самая страшная пытка для человека, чье имя переводилось как «дракон». Быть драконом без пламени — все равно что быть птицей с отрезанными крыльями. Он чувствовал себя слепым, глухим и бесконечно хрупким.

Но сегодня ночью ему нужна была не сила огня. Ему нужно было тепло.

Внизу, под стеной, раскинулся Сад Отражений дома Люминар. Днем это место поражало воображение: идеально круглые пруды, в которых плавали настоящие облака, деревья из лунного хрусталя и живые лабиринты, меняющие форму каждую полночь. Но сейчас сад выглядел иначе. Тяжелые кроны лип смыкались над головой плотным куполом, поглощая остатки звездного света. Воздух казался густым, маслянистым, наполненным запахом мокрой земли и белых лилий — цветов, которые Люминары культивировали веками, называя их «слезами луны».

Дрейк прыгнул.

Высота в двенадцать футов должна была переломать ему ноги, если бы не годы тренировок. Он приземлился беззвучно, используя остаточную кинетику для переката. Мгновение он лежал неподвижно, вслушиваясь в тишину.

Тишина здесь тоже была другой. В замке Игнисов тишина звенела сталью и ожиданием приказа. Здесь она дышала. Она пахла влажной зеленью и старым пергаментом.

— Ты топаешь, как пьяный гвардеец, — раздался шепот прямо над его ухом.

Дрейк резко вскинул голову, рука метнулась к поясу, где обычно висел палаш. Пальцы схватили пустоту — оружие осталось в тайнике у ворот. Перед ним стояла Агнес.

На ней не было ни серого бархата, ни парадных шелков. Только простая льняная рубашка до колен, поверх которой была накинута мужская суконная куртка, явно снятая с плеча кого-то из слуг. Волосы, обычно уложенные в сложнейшие прически, стянуты в небрежный узел на затылке. Никакой магии напоказ. Никакого сияния. И все же она светилась изнутри мягким, жемчужным светом, который не отбрасывал теней.

— Я пытался идти по воздуху, — выдохнул Дрейк, поднимаясь. — Но левитация требует концентрации, а моя концентрация сейчас... дырявая.

Агнес подошла вплотную. Ее босые ноги бесшумно ступали по траве. Она положила ладони на его грудь, туда, где под мокрым от пота полотном рубашки билось сердце.

— Оно бьется слишком быстро, — сказала она. — Сто сорок ударов. Ты бежал?

— Нет. Я просто существую, — он перехватил ее запястья. Кожа Агнес была прохладной, почти холодной, и этот контраст между ее внешним спокойствием и внутренним жаром его собственной похоти сводил с ума. — Меня лишили права дышать огнем. Теперь я просто перегретый кусок мяса. Как ты прошла стражу? У твоего брата Маркуса глаза везде.

— У моего брата глаза видят только то, что мозг готов интерпретировать как угрозу, — Агнес слабо улыбнулась. Уголки ее губ дрожали от напряжения последних дней. — Стража

видит туман. Обычный вечерний туман, ползущий от реки. Они кутаются в плащи и проклинают сырость. Их магические сканеры показывают норму влажности. Чтобы обмануть Светоносцев, не нужен огонь. Нужно просто убедить их разум, что ничего необычного не происходит. Иллюзия покоя сильнее иллюзии страха.

Она обвела рукой пространство вокруг них. Действительно, у самой земли клубились белесые пряди, скрывающие их ноги. Плотность тумана нарастала по мере удаления от центра, где стояли они, создавая идеальный звуковой и визуальный пузырь радиусом в десять шагов. Внутри этой сферы мир перестал существовать. Остались только двое, запах мокрой листвы и оглушительная пульсация крови в висках.

Дрейк притянул ее к себе, зарываясь лицом в изгиб шеи. Он вдыхал ее запах — лаванда, которая росла в кадках у нее в комнате, и тот самый металлический привкус измененной физики, который теперь преследовал его во сне.

— Шесть дней, — прошептал он ей в ключицу. — Шесть дней я просыпаюсь и тянусь к тебе через коридоры, но там лишь пустота. Я начинаю забывать цвет твоих глаз, Агнес. Это похоже на медленное безумие.

— Не говори так, — она вцепилась пальцами в его плечи. — Если ты произнесешь слово «проклятие», я поверю в него. А мы не прокляты. Мы... перенастроены.

— Перенастроены на страдания, — горько усмехнулся Дрейк, отстраняясь ровно настолько, чтобы видеть ее лицо. Лунный свет нашел прореху в кронах и упал на ее щеку, высветив свежую татуировку на ключице — черное солнце. Символ, который должен был убить их обоих эстетическим диссонансом, смотрелся на ней пугающе органично. — Мой отец посадил меня под домашний арест. На хлебе и воде. Будто пост поможет вернуть мне искру. Он вызывает экзорцистов Огня. Они мажут мне лоб пеплом сожженных еретиков и читают литании о чистоте дара. Чистая ложь. Дар никогда не был чистым. Он всегда хотел тянуться к тебе.

Агнес провела ладонью по его щеке, заросшей жесткой щетиной. Прикосновение заставило Дрейка закрыть глаза.

— Мой отец делает то же самое, — тихо призналась она. — Только со стороны льда. Мне приносят ванны с освященной водой, которая должна «смыть чужеродный жар». Вода превращается в пар, едва касаясь моей кожи, потому что твое присутствие выжжено внутри меня, Дрейк. Ты стал частью моей базовой температуры. Если твой огонь погаснет окончательно, я рассыплюсь кристаллами соли.

Он открыл глаза. В их серой глубине плескалось отчаяние дикого зверя, пойманного в капкан.

— Я не могу войти в твой дом. Эти новые печати Равновесия на наших телах... они резонируют. Когда я подошел к главным воротам ближе чем на сто ярдов, охранные руны Маркуса начали выть сиреной. Наша связь работает как антенна. Мы притягиваем внимание всей метафизической полиции континента.

— Поэтому мы встречаемся здесь, — кивнула Агнес. — В саду. Между землей и небом. Нейтральная территория.

Она отпустила его и сделала шаг назад. Дрейк почувствовал мгновенный укол холода — физического холода ночи, пробравшегося под одежду.

— Что ты делаешь? — спросил он, наблюдая, как она опускается на колени прямо в мокрую траву.

— Исправляю несправедливость, — ответила она.

Ее руки легли на землю ладонями вниз. Агнес закрыла глаза. Это не было зрелищной магией. Никаких вспышек, никаких громовых раскатов. Лишь легкое изменение давления воздуха.

Земля под ее руками начала меняться. Чернозем просел, формируя неглубокую чашу. Корни старой липы медленно, со скрипом, расступились, освобождая пространство. Из глубины почвы начал подниматься металл.

Это не была жила руды. Это был самородок чистого антрацита, черный, блестящий, размером с куриное яйцо. Он выплыл из земли, подчиняясь воле девушки, и завис в воздухе перед ней.

Дрейк сглотнул. Магия Земли. Дом Люминар владел ею опосредованно, через контроль света, преломленного в почве, но такое прямое управление материей...

— Ты копируешь мой дар, — выдохнул он.

— Я учусь говорить на языке своего мужа, — поправила Агнес. Она нахмурилась, концентрируясь. Поверхность угля дрогнула. Внутренняя структура минерала перестраивалась на атомарном уровне.

Уголь пылал. Но это было холодное горение. Внутри черного камня разгоралось маленькое, ровное солнце цвета расплавленной меди. Оно не излучало жара вовне — Дрейк не чувствовал повышения температуры, — но само вещество камня вибрировало, испуская волны глубокого, обволакивающего тепла.

Агнес осторожно взяла «уголек» двумя руками. Камень оставлял на ее бледных пальцах следы золотистой пылицы.

— Держи, — она протянула артефакт Дрейку. — Я собрала его из недр, где давление рождает алмазы, но добавила структуру твоей плазмы. Это не костер, милорд. Это очаг. Он не даст тебе взлететь и сжечь город, но он не позволит твоему сердцу остыть. Пока он с тобой, твоя кровь будет помнить, каково это — быть жидким огнем.

Дрейк принял подарок. Его ладони сомкнулись вокруг камня. Эффект был мгновенным и сокрушительным. Ледяной панцирь, наложенный Инквизитором и молитвами отца, дал трещину. По венам прокатилась горячая волна. Не агрессивная, требующая разрушения, а мягкая, базовая. Тепло выживальщика. Он пошатнулся, чувствуя, как возвращаются силы. С пальцев сорвалась одинокая красная искра и упала в траву, тут же затухнув. Но она *была*.

— Агнес... — голос сел. — Сколько энергии ты вбила в этот камень? Если Маркус узнает, что ты работаешь с первоматерией вне лаборатории...

— Пусть попробует узнать, — она поднялась, отряхивая колени. — Кроме того, это компенсация. За те ожоги на паркете. Баланс должен быть соблюден.

Дрейк спрятал уголек за пазуху, прижимая его к груди. Тепло начало растекаться по ребрам. Впервые за неделю он смог сделать глубокий вдох, не чувствуя спазма в легких.

— Боюсь, баланс нарушен навсегда, — сказал он, снова притягивая ее к себе. — Теперь я твой должник. А долги в нашем роду принято отдавать жизнями или королевствами. Королевство у тебя уже есть — половина моего. Значит, остается жизнь.

— Размен неравноценный, — Агнес позволила себе уткнуться лбом в его плечо. Всего на секунду, прежде чем страх быть пойманными снова возьмет верх. — Моя жизнь стоит дороже половины твоих угольных шахт.

— Тогда я добавлю свои легкие, — серьезно ответил Дрейк. — И печень. Кажется, она единственная осталась нетронутой святой водой моих тюремщиков.

Она тихо рассмеялась. Звук был похож на звон разбившегося хрусталя — такой же прекрасный и болезненный в своей неуместности посреди вражеского сада.

Смех оборвался так же внезапно, как начался. Где-то далеко, у оранжерей, хлопнула дверь. Послышались тяжелые шаги и недовольное ворчание садовника. Реальность напомнила о себе запахом дешевого табака и скрипом гравия.

— Время, — прошептала Агнес.

— Еще рано, — Дрейк впился пальцами в ее куртку. — Прошло три минуты. Я пересек стену, убил двух часовых иллюзией падения моста, чуть не замерз насмерть и получил свой первый нормальный вздох за неделю. Три минуты, Агнес. Я хочу хотя бы десять.

— Десять минут — это обнаружение, — она покачала головой, глядя на него снизу вверх. В карих глазах отражался холодный свет ее собственного подарка. — Нас начнут искать. Если нас найдут вместе, Инквизитор вернется. И в следующий раз он не станет ставить клейма. Он проведет Диффузию. Выкачает суть из обоих, превратив нас в послушных големов для нужд короны.

— Пусть приходят, — прорычал Дрейк, наклоняясь к ее губам. — Я поцелую их до смерти.

Поцелуй был коротким, хищным, отчаянным. Это был акт маркировки территории. Заявление прав собственности в мире, который объявил их брак незаконным биологическим экспериментом.

Когда они оторвались друг от друга, оба тяжело дышали.

— Уходи первым, — велела Агнес. — Через северную калитку у розария. Там спит старый пес, он не поднимет лай. Иди вдоль ручья, вода скроет тепловой след.

— А ты? — спросил Дрейк, нехотя отпуская ее. Мысль о том, что ему придется шагнуть обратно в ледяной мрак коридоров замка Игнис, вызывала физическую тошноту.

— Я растворюсь в тумане, — она коснулась его лица кончиками пальцев. — Потом превращусь в ночную птицу. Просочусь сквозь решетку окна своей спальни. Скажу брату, что молилась Луне о ниспослании смирения. Он проверит мои каналы силы, увидит истощение, пожалеет бедную девочку и даст горячего чая. Система идеальна.

— Слишком идеальна, — Дрейк нахмурился. — Ты тратишь больше сил на замечание следов, чем на саму встречу.

— Потому что эта встреча — единственное топливо, которое у нас осталось, — твердо сказала она. — Если мы перестанем рисковать, мы начнем сходить с ума от изоляции. Сумасшедшие маги стихий оставляют воронки вместо городов. Я предпочитаю рисковать шеей, спасаясь из окна, чем случайно испарить половину столицы, когда мое сознание не выдержит одиночества.

Логика была жестокой, но безупречной.

Дрейк кивнул. Он наклонился, поднял с земли несколько лепестков белой лилии, упавших с ветки, и вложил их в руку Агнес.

— Завтра? — спросил он. — В это же время?

— Если туман сгустится, — ответила она ритуальной фразой разведчиков. — Если звезды будут скрыты.

— Я люблю тебя, — сказал он вдруг. Просто, буднично, словно сообщал прогноз погоды. В этом признании не было пафоса первого вальса, только тяжелая, свинцовая уверенность человека, стоящего на эшафоте.

Губы Агнес дрогнули в улыбке.

— Я знаю, — сказала она. — Иначе зачем бы ты лез сюда, рискуя получить арбалетный болт между лопаток? Беги, Первый Рыцарь. Твоя принцесса приказывает вам исчезнуть.

Она отступила в самую густую часть созданного ею тумана. Силуэт начал размываться, терять плотность, сливаясь с белыми волокнами.

— Агнес! — окликнул он, понимая, что теряет ее снова.

Она замерла на границе полного растворения. Лицо проступило сквозь дымку на одно мгновение.

— Подожди, — она зашарила свободной рукой в кармане куртки. — Почти забыла. Долг платежом красен.

Она вытащила нечто, сжатое в кулаке. Разжала пальцы.

На ее ладони лежал цветок.

Обычная полевая гвоздика. Алый, с зубчатыми краями лепестков. Любой ботаник сказал бы, что цветок сорван недавно — стебель сочился соком, листья были упругими. Но Дрейк видел истину. Цветок не имел запаха. Его молекулы не двигались. Время внутри этого красного комочка ткани остановилось.

Иллюзия абсолютного порядка. Вечный объект.

— Настоящие цветы вянут от твоего присутствия, — тихо объяснила Агнес. — Твой нестабильный эфир сжигает хлорофилл. А этот... он живет в петле времени. Я заморозила момент его расцвета. Он никогда не умрет. Даже если наступит конец света, кто-то найдет эту гвоздику среди пепла, и она все еще будет красной.

Она аккуратно, самыми кончиками пальцев, заправила цветок за ухо Дрейка, пропустив стебелек сквозь темные пряди волос. Холодный пластик вечности коснулся его горячей кожи.

— Чтобы помнил, — сказала она. — Что я существую вне зависимости от того, видишь ты меня или нет.

Дрейк поймал ее руку и прижался к ней губами, целуя ладонь.

— Я помню каждый атом твоего существа, — прошептал он.

Он сделал шаг назад. Затем еще один. Туман жадно поглотил его фигуру. Спустя пять секунд на дорожке не было никого, кроме молодой женщины в мужской куртке, которая стояла совершенно неподвижно, глядя в пустоту, и сжимала в руке мертвые лепестки настоящей лилии.

Путь назад занял у Дрейка меньше времени, чем он рассчитывал. Тепло подаренного угля бодрило мышцы, разгоняя застывшую лимфу. Он перемахнул внешнюю стену в том же месте, где перелезал внутрь, и оказался в переулке за казармами городской стражи.

Здесь воняло потом, мочой и кислым вином. Грубая реальность ударила по обостренному восприятию, как мокрая тряпка по лицу. Контраст между стерильным, математически выверенным ужасом дома Люминаров и грязной, хаотичной жизнью нижнего города был почти невыносим.

Дрейк плотнее запахнул плащ. Уголек за пазухой пульсировал в такт шагам. Каждый удар сердца отдавался в камне приятной вибрацией. Это было похоже на то, как если бы рядом постоянно спал ручной кот, согревая бок.

Главный вход в особняк Игнис встретил его заблокированными воротами. Отец усилил охрану вдвое. У дверей дежурили не обычные гвардейцы, а Храмовая Гвардия — фанатики в красных робах, вооруженные клинками из метеоритного железа.

— Стоять, — лениво бросил старший караула, опираясь на алебарду. — Кто таков? Почему смердишь речной сыростью?

Дрейк вышел из тени. Лунный свет упал на его лицо, освещая свежий синяк под глазом — следствие неудачного спуска со скользкой черепицы — и алую гвоздику за ухом.

Гвардейцы ахнули. Один перекрестился. Другой попятился, выставляя вперед лезвие.

— Милорд? — прохрипел старший, бледнея. — Но нам сказали... вас держат в Высоком Шпиле. Без окон. Без еды.

— Приказ изменился, — ровным голосом произнес Дрейк. — Открывайте.

— Мы не можем... Патриарх благословил засовы. Сказал, демоны могут использовать вашу оболочку как сосуд, если вы попытаетесь войти без очистительного...

Дрейк глубоко вздохнул. Усталость брала свое. Неделя унижений, неделя ощущения собственной неполноценности, неделя голода по жене — все это сжалось в тугий горячий комок под ребрами.

Он посмотрел на центральный замок ворот. Массивный брус мореного дуба.

Дрейк вытянул вперед правую руку. Он не пытался призвать пламя. Он просто позволил теплу от уголька Агнес течь дальше, по венам, к кончикам пальцев. Он представил не взрыв, не пожар. Он представил температуру человеческого тела. Нормальную, здоровую температуру.

Замок покрылся тонкой пленкой влаги. Морозный узор, точь-в-точь такой, какой рисовала Агнес своим дыханием на стеклах, пополз по старому дереву. Железо лязгнуло. Древесина ссохлась и потеряла прочность. Замок осыпался на камни мостовой кучкой серебристой пыли, напоминающей утренний иней.

Брус толщиной в ногу взрослого мужчины рухнул внутрь двора, перерезанный невидимой хирургической нитью абсолютного нуля.

— Передайте отцу, — Дрейк перешагнул через порог, проходя мимо парализованных ужасом фанатиков, — что если завтра на моем столе не будет горячего мяса, я заморожу кухню. Всю. Вместе с поварами. И скажите врачам, что утром я буду практиковать дыхание дракона. Если им дороги брови, пусть принесут асбестовые маски.

Он пошел к центральной башне, оставляя за собой цепочку следов, которые слегка дымились, мгновенно высыхая на холодных плитах.

Поднимаясь по винтовой лестнице в свои покои, он коснулся цветка за ухом. Алая гвоздика была твердой и холодной, как стекло. Абсолютно неживой. И именно поэтому она давала ему больше надежды, чем все молитвы всех святых отцов королевства.

Если человек способен создать вещь, неподвластную времени, значит, законы природы — это всего лишь рекомендации. А любую рекомендацию можно переписать, если обладать достаточной наглостью и правильным углом приложения силы.

Войдя в свою комнату — аскетичную келью с голыми стенами, где единственным украшением был фамильный меч, — Дрейк запер дверь на тяжелый дубовый засов. Только теперь, в безопасности, он позволил себе слабость.

Он опустился на край кровати, достал из-за пазухи теплый камень и сжал его в кулаке. Закрыв глаза.

Тепло Агнес текло сквозь его кожу, проникая в самые кости. Он видел ее так ясно, словно она сидела напротив. Видел складки простой рубашки, выбившуюся прядь волос, сосредоточенно закусенную нижнюю губу, когда она творила свой вечный цветок.

Они были разделены стенами, политическими фракциями, религиозными догмами и самой структурой пространства-времени, которую пытались перекроить под себя два враждующих бога.

Но у него был ее огонь, принявший форму угля. А у нее — его порядок, принявший форму бессмертного растения.

Дрейк улыбнулся в темноте. Это была жестокая, счастливая улыбка загнанного зверя, который наконец понял правила охоты.

— Первое свидание состоялось, — прошептал он в пустой комнате. — Осталось пережить тысячу двести четырнадцать таких же. До тех пор, пока ваши храмы не падут, святоши.

Он лег на кровать, не раздеваясь, продолжая сжимать источник жизни. Сон пришел мгновенно, тяжелый и глубокий. Впервые за долгие дни ему снился не кошмар о сгоревших деревьях и не ледяные объятия инквизиции. Ему снился туман, белые лилии и тихий смех женщины, которая научила огонь не жечь, а любить.

Глава 4. Огонь и Тень

Утро в замке Игнис пахло гарью, ладаном и отчаянием. Дрейк проснулся не от пения птиц за окном — их гнезда давно были сожжены магическими тренировками наследника — а от того, что его собственная кожа начала зудеть. Это был странный зуд, не похожий на раздражение или аллергию. Словно под эпидермисом ползали крошечные искры, пытаясь пробиться наружу.

Он сел на кровати, сжимая в кулаке теплый уголек Агнес. Тот уже остыл до комнатной температуры, но память о его жаре все еще жила в пальцах. Дрейк посмотрел на свои руки. Кожа была бледной, почти прозрачной, с проступающими голубоватыми венами. Он выглядел как человек, который неделю провел в ледяной пещере. Ирония заключалась в том, что так оно и было.

В дверь постучали. Три раза — короткий код слуг, пять раз — личный секретарь отца. Стук прозвучал трижды.

— Войдите, — буркнул Дрейк, натягивая одеяло до подбородка.

Дверь распахнулась. На пороге стоял не лакей, а сам лорд Корнелий Игнис. Глава дома вошел без приглашения, заполнив собой весь дверной проем. Его мантия цвета запекшейся крови шелестела при каждом шаге. За спиной маячили двое гвардейцев в полном боевом облачении.

— Встать, — голос отца был подобен скрежету камня по стеклу. — Ты выглядишь как труп, поднятый некромантом. Едва ли это подобает наследнику рода.

Дрейк медленно поднялся. Одеяло сползло, обнажая голые ноги. Он не чувствовал стыда. После недели унижений и молитв экзорцистов чувство собственного достоинства стало хрупким, как яичная скорлупа.

— Я болен, отец, — сказал он ровно. — Магическое истощение после инцидента на балу. Лекари говорят, что мой дар нестабилен.

Корнелий подошел к окну, раздвинул тяжелые бархатные шторы одним резким движением. Солнечный свет хлынул в комнату, заставив Дрейка сощуриться. Отец долго молчал, глядя на двор замка, где тренировались новобранцы.

— Инцидент? — переспросил он наконец, не оборачиваясь. — Ты называешь предательство крови «инцидентом»?

— Я называю любовью то, что произошло между мной и дочерью Люминаров, — ответил Дрейк, и слово «любовь» повисло в воздухе тяжелее любого проклятия.

Корнелий резко обернулся. Его лицо, обычно напоминающее маску из пергамента, пошло пятнами.

— Любовь? — он рассмеялся — короткий, лающий звук, больше похожий на кашель. — Не смей пачкать это слово своим ртом. То, что ты испытал, мальчишка, — это болезнь. Заражение. Светоносцы веками совершенствовали искусство ментальной магии. Они отравляют разум наших юношей иллюзиями, чтобы ослабить нас изнутри. Она залезла тебе в голову, пока вы танцевали свой грязный вальс.

Дрейк сжал челюсти. Внутри закипала ярость — та самая, привычная, горячая. Но сегодня она была похожа на пар над чайником: давление есть, а огня нет.

— Она дала мне тепло, когда твой огонь меня покинул, — произнес он тихо, но каждое слово падало свинцовым грузом. — Если это яд, то самый сладкий из всех, что я пробовал.

Лицо Корнелия исказилось. Он сделал два быстрых шага вперед и ударил сына по лицу тыльной стороной ладони. Звук пощечины эхом отразился от каменных стен.

— Забудь ее, — прошипел отец, нависая над ним. Глаза главы дома Игнисов горели фанатичным огнем. — Выброси из головы эту ведьму из дома лжи. Дом Люминар — это змея,

которая притворяется цветком. Их сила — ложь. Они заставляют тебя видеть то, чего нет. Иллюзии, миражи, фантомы.

— А наш дом? — спросил Дрейк, касаясь пальцами горячей щеки. — Наш дом сжигает правду дотла. Мы верим только в то, что можем испепелить. Может быть, это мы живем во лжи, отец? Может быть, истина всегда находится там, куда мы боимся направить пламя?

Корнелий отступил на шаг, словно получил физический удар. Он смотрел на сына так, будто видел перед собой незнакомца. Или чудовище.

— Ты богохульствуешь, — выдохнул он. — Патриарх требует твоего присутствия в Храме Огня через час. Тебе предстоит обряд очищения. Возможно, если ты искренне раскаешься, стихия вернется к тебе.

— Стихия не вернется, потому что она никогда не уходила, — возразил Дрейк. — Она просто нашла себе пару. Как вода ищет океан, а воздух — небо. Ты пытаешься запереть ветер в бутылке и удивляешься, почему он затихает.

— Молчать! — взревел Корнелий, теряя терпение. — Ты отправишься в Храм. И если понадобится, я привяжу тебя к алтарю и лично прочитаю экзорцизм, пока твоя плоть не начнет отслаиваться от костей!

С этими словами он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Два гвардейца остались стоять у входа, буравя Дрейка взглядами, полными плохо скрытой ненависти. Для них он был осквернен. Опасен.

Когда шаги в коридоре стихли, Дрейк позволил себе рухнуть обратно на кровать. Щека пульсировала болью. Уголек Агнес снова начал теплеть, реагируя на всплеск адреналина хозяина. Тепло потекло вверх по руке, успокаивая нервы.

«Ты в порядке?»

Голос возник в голове внезапно, чистый и звонкий, как хрустальный колокольчик. Дрейк замер. Это не было галлюцинацией. Это было послание. Телепатическая связь, которую они обнаружили случайно три дня назад, когда пытались поговорить мысленно во время очередного сеанса «лечения» у врачей.

«Да», — ответил он, закрыв глаза. «Отец приходил. Требует забыть тебя».

«Я знаю», — пришел ответ. В нем слышалась усталость, смешанная с решимостью. «Мама тоже приходила ко мне. Спрашивала, почему я перестала носить жемчуг и смотрю в окно вместо того, чтобы изучать брачные контракты».

Агнес находилась в своей спальне, в восточном крыле замка Люминар. Ее комната выходила окнами на сад, где они встречались прошлой ночью. Сейчас, судя по ощущениям, она сидела у окна, расчесывая волосы и глядя на пустую дорожку, ожидая знака.

«Они думают, что это болезнь», — продолжил Дрейк. «Что ты околдовала меня».

«Пусть думают», — ответила Агнес. «Главное, что мы знаем правду. Правда не нуждается в свидетелях, милый. Ей нужен лишь тот, кто готов ее нести».

Дрейк улыбнулся. Впервые за долгое время улыбка вышла искренней.

«Сегодня вечером», — отправил он мысль. «Туман будет густым. Я принесу уголь. Приготовь цветок».

«Буду ждать», — отозвалась она, и ментальная нить связи оборвалась, оставив после себя ощущение тепла на кончиках пальцев.

Тем временем в другом конце города, в особняке Люминар, царил не меньшее напряжение. Мать Агнес, леди Элеонора, сидела в своем будуаре, окруженная зеркалами в полный рост. Каждая поверхность отражала идеальную женщину: безупречную осанку, фарфоровую кожу, уложенные в сложную прическу волосы цвета воронова крыла. Но отражение не могло скрыть тени под глазами хозяйки.

Она смотрела на свою дочь, которая стояла посреди комнаты, одетая в простое домашнее платье, и бессмысленно перебирала стопку пергаментов с гербовой печатью.

— Агнес, — голос Элеоноры звучал мягко, но в нем звенела сталь. — Ты перечитываешь одно и то же письмо уже пятый раз. Что случилось с твоей концентрацией? Еще месяц назад ты могла запомнить состав торгового договора с Западным Пределом с первого прочтения.

Агнес вздрогнула и подняла взгляд. Ее карие глаза казались огромными и темными, как ночное небо.

— Прости, матушка, — сказала она, возвращая письмо на столик. — Боюсь, мои мысли заняты другим.

Элеонора встала и подошла к дочери. Она была высокой женщиной, привыкшей смотреть на людей сверху вниз, даже когда они стояли. Сегодня она наклонилась, чтобы заглянуть Агнес прямо в глаза.

— Другим? — переспросила она, и в интонации проскользнуло подозрение. — Насколько я помню, у тебя нет «другого». Есть долг. Есть Маркус, который прислал список потенциальных женихов длиной в локоть. Есть виконт де Бри, чья семья контролирует поставки соли с южных морей. Эти союзы обеспечат нам безопасность на десятилетия вперед.

— Безопасность? — горько усмехнулась Агнес. — Матушка, наша безопасность строится на страхе. Мы прячемся за своими щитами света, делая вид, что тьмы не существует. Но тьма нигде не уходит. Она просто ждет момента, когда наши щиты дадут трещину.

Элеонора отстранилась. Ее пальцы нервно сжали складку шелкового халата.

— О чем ты говоришь? Какие трещины? У нас лучшие маги-охранники в столице. Наши стены неприступны.

— Неприступны для мечей, — кивнула Агнес. — Но уязвимы для правды. Той правды, что я узнала, танцуя с Дрейком. Наша магия — это контроль. Мы учимся управлять восприятием, создавать красивые картинки, скрывать неудобное. Но мы забыли, как выглядит реальность без фильтров.

— Реальность — это голод, войны и смерть, — отрезала мать. — Именно поэтому мы создали этот мир. Мир порядка и ясности. Ты слишком много времени проводишь в библиотеке, дочка. Чтение древних манускриптов портит характер.

— Или открывает глаза, — тихо возразила Агнес. — Мама, скажи честно. Когда ты вышла замуж за отца, ты любила его?

Вопрос застал Элеонору врасплох. Она моргнула, и на мгновение маска холодной аристократки треснула, обнажив растерянную девочку, которой она когда-то была.

— Любовь — это роскошь для простолюдинов, — ответила она после долгой паузы. — Мой брак был выгоден дому Люминар. Так было нужно.

— Вот именно, — Агнес сделала шаг к матери. — Нас учат, что чувства — это слабость. Что эмоции делают нас предсказуемыми. Поэтому мы носим маски. Серые платья. Скрываем лица. Но разве это жизнь? Разве это свобода?

— Свобода? — Элеонора фыркнула. — Свобода — это право выбирать между двумя злами. Между выгодным союзом и стабильностью. Ты сейчас выбираешь хаос, Агнес. Хаос и разрушение.

— Нет, мама, — Агнес взяла мать за руку. Ее ладонь была прохладной, но в прикосновении чувствовалась неожиданная твердость. — Я выбираю целостность. Дрейк показал мне, что можно быть одновременно пламенем и светом. Что можно гореть, не обжигая, и сиять, не ослепляя. Это не хаос. Это... гармония.

Элеонора высвободила руку и отошла к окну. Она смотрела на сад, где среди лип прятался маленький пруд, в котором плавали облака.

— Этот мальчик Игнис... — произнесла она задумчиво. — Говорят, его огонь убил трех наставников в академии. Что он однажды подпалил бороду послу Восточного Предела просто потому, что тот чихнул не вовремя. Он опасен, Агнес. Дикарь. Животное.

— Он напуганный ребенок, которого научили ненавидеть самого себя, — спокойно ответила дочь. — Его отец боится, что сын окажется слабее его. Поэтому заставляет его жечь всё вокруг. Но внутри него живет нечто большее. Нечто, способное согреть целый город, если ему позволят.

Элеонора долго молчала. Затем она повернулась. В ее взгляде читалось материнское беспокойство, смешанное с профессиональным интересом политика.

— Если слухи верны, — сказала она осторожно, — если ваш резонанс действительно произошел... Это меняет правила игры. Равновесие вмешалось напрямую. Теперь вы связаны не только узами брака, но и метафизически. Разделить вас — значит рисковать разрушением обоих домов.

— Значит, нам придется научиться жить вместе, — пожала плечами Агнес.

— Вместе? — Элеонора горько рассмеялась. — Дочь моя, ты наивна. Дома Игнис и Люминар враждуют столетиями. Религиозные догмы, торговые споры, территориальные претензии... Ты думаешь, совет старейшин позволит двум молодым влюбленным изменить ход истории? Тебя запрут в башне. Его сошлют на границу. Вас будут пытаться, пока ваши тела не откажутся принимать друг друга.

— Пусть попробуют, — в глазах Агнес вспыхнул отблеск отцовской силы. — Я могу создать тысячу иллюзий тюрьмы. Он может превратить любую камеру в печь. Мы сильнее их страхов.

Элеонора посмотрела на дочь с внезапным ужасом. Она увидела в ней не маленькую девочку, которую качала на руках, а новую силу, рожденную из боли и страсти. Силу, способную разрушить старый мир.

— Будь осторожна, — прошептала она. — Игра, в которую вы играете, ведется не людьми. За кулисами стоят боги. А боги не прощают тех, кто пытается переписать их сценарий.

— Боги устарели, мама, — ответила Агнес. — Настало время людей.

После этого разговора Агнес вернулась в свою спальню. Она закрыла дверь на засов и подошла к туалетному столику. Там, среди флаконов с духами и баночек с кремами, лежал единственный предмет, не принадлежащий миру Люминаров. Маленький, идеально круглый камень угольно-черного цвета. Он излучал мягкое, ровное тепло, которое невозможно было объяснить законами термодинамики.

Агнес взяла его в ладони и прижала к груди. Закрыла глаза. Она почувствовала отклик. Далекий, приглушенный, но живой. Дрейк был где-то там, в своем холодном замке, держась за этот кусочек антрацита, как утопающий держится за обломок корабля.

«Как прошел разговор с матерью?» — пришла мысль от мужа.

«Плохо», — ответила Агнес. *«Она пыталась убедить меня, что любовь — это болезнь. Что я должна принять предложение де Бри ради стабильности».*

«Де Бри похож на жабу», — тут же отреагировал Дрейк. Мысль сопровождалась образом толстого мужчины в расшитом золотом камзоле, который постоянно вытирает пот с лысины кружевным платком.

Агнес невольно улыбнулась.

«Ужасно, да», — согласилась она. *«Но самое страшное, что она права. Совет не примет наш союз. Они найдут способ разорвать нашу связь. Физически или магически».*

«Значит, мы должны стать невидимыми», — решил Дрейк. *«Для всего мира. Пока мы не станем достаточно сильными, чтобы заявить о себе открыто».*

«Как?»

«Магией», — ответил он. *«Мы будем писать друг другу. Здесь, в саду. Днем, когда никто не смотрит. Я буду оставлять огненные знаки на камнях. Ты будешь проявлять их иллюзией. Никто, кроме нас, не сможет их увидеть. Это будет наш тайный язык. Наш шифр».*

Идея захватила Агнес мгновенно. Это было похоже на детскую игру, но в то же время — на заговор двух шпионов против целого мира.

«Огонь оставляет следы», — предупредила она. *«Даже если это едва заметный ожог на мраморе. Камердинеры твоего отца очень внимательны».*

«Поэтому мы будем использовать тень», — нашелся Дрейк. *«Я буду выжигать буквы в местах, куда никогда не падает солнце. Под скамьями, в нишах статуй. А ты будешь активировать иллюзию только тогда, когда наступит ночь. Твоя магия работает лучше в темноте».*

«Это опасно», — подумала Агнес, но в этом страхе не было отказа. Только предвкушение.

«Все, что имеет значение, — опасно», — ответил Дрейк. *«Готова начать сегодня вечером?»*

«Жду инструкций», — игриво отозвалась она.

День тянулся мучительно медленно. Дрейк провел его в компании лекарей, которые мазали его лоб святой водой и читали молитвы на древнем языке, от которых сводило зубы. Каждый раз, когда священник упоминал имя «ведьмы из дома лжи», Дрейку приходилось сжимать кулаки, чтобы не запустить в стену чашкой с травяным отваром.

Его тело адаптировалось к отсутствию полноценного дара. Он заметил, что теперь мог чувствовать температуру предметов на расстоянии. Прикоснувшись взглядом к металлическому подсвечнику, он ощущал его холод. Посмотрев на ковер, понимал, насколько тот пыльный (теплый) или влажный (прохладный). Это было жалкое подобие истинного зрения мага огня, но это давало преимущество.

К вечеру он почувствовал изменение в атмосфере замка. Воздух стал гуще, тяжелее. Где-то на востоке собирались тучи. Идеально.

Когда стемнело, Дрейк выскользнул из своих покоев через потайной ход, известный только членам семьи. Он двигался бесшумно, используя остаточную кинетическую энергию прошлых тренировок. Замок Игнисов был построен так, чтобы ловить врагов, но он также хранил множество секретов для своих хозяев.

Сад встретил его сыростью и запахом мокрой земли. Луна скрылась за облаками, погрузив территорию в глубокий сумрак. Дрейк знал каждый куст, каждую статую в этом саду. Он направился к старой беседке в дальнем углу, туда, где росли плакучие ивы. Под их ветвями всегда царила абсолютная тьма.

Там, у подножия одной из ив, находился массивный валун, покрытый мхом. Никто не трогал его годами — садовники считали, что под ним живут ядовитые змеи. На самом деле там жили только воспоминания о детских играх Дрейка, когда он прятал здесь свои сокровища.

Он опустился на колени перед камнем. Достал из кармана маленький мешочек с толченым фосфором — подарок одного из алхимиков, который считал, что наследник должен учиться контролировать даже самые мелкие искры.

«Я здесь», — отправил он мысленный сигнал.

«Вижу тебя», — пришел ответ. Агнес материализовалась из теней у соседнего дерева. Она сменила платье на темный плащ с капюшоном, полностью скрывший ее фигуру. Лишь блеск глаз выдавал присутствие.

Они встретились взглядами. Расстояние между ними было меньше десяти шагов, но казалось, что между ними пролегла пропасть из запретов и страха.

«Начнем?» — спросил Дрейк.

«Да», — кивнула Агнес.

Дрейк достал уголек, подаренный ею. Он положил его на землю рядом с валуном. Черный камень немедленно начал испускать мягкое оранжевое свечение, разгоняя тьму вокруг. Это был их маленький костер, безопасный и незаметный издалика.

Затем он взял щепотку фосфора. Кончики его пальцев все еще хранили остатки жара, достаточные, чтобы вызвать химическую реакцию. Он сосредоточился, представляя не пламя, а точечное выделение энергии. Искра родилась не из воздуха, а из самой материи, подчиняясь воле мага.

Фосфор вспыхнул ярко-белым светом на долю секунды. Этого хватило, чтобы оставить след на поверхности серого валуна. След, который выглядел как глубокая царапина, обожженная по краям.

Буква «А».

Агнес ахнула. Она видела это не физическим зрением, а внутренним. Ее магия иллюзий позволяла ей воспринимать мир как полотно энергии. Царапина на камне была не просто механическим повреждением. Это был разрыв в структуре реальности, крошечная червоточина, ведущая прямо к душе Дрейка.

«Невероятно!» — воскликнула она мысленно. «Никто не увидит этого днем. Для обычных глаз это просто старая трещина».

«Теперь ты», — Дрейк протянул руку, приглашая ее подойти ближе. «Прояви остальное».

Агнес приблизилась. Она сняла перчатку и коснулась пальцами буквенного следа. Закрывает глаза. Ее магия не требовала слов или жестов. Она работала на уровне намерения.

Поверхность камня дрогнула. Из глубины царапины начали подниматься тонкие нити золотистого света. Они сплетались, формируя новые символы. Буква «Г». Потом «Е». Последним проявилось целое слово:

АГНЕС

Золотистые буквы висели в воздухе несколько секунд, затем растворились, оставив после себя легкий запах озона и пепла.

«Ты написал мое имя», — ее мысленный голос дрожал от эмоций. «На камне. Навсегда».

«Навсегда — это слишком длинное слово», — ответил Дрейк, вставая и подходя к ней вплотную. Капюшон его плаща упал, открывая лицо, освещенное мягким светом уголька. — «Давай начнем с сегодняшнего вечера».

Он взял ее за руки. Ладони Агнес были холодными, но в их прикосновении чувствовалось электричество. Новая связь между ними стала крепче. Они могли чувствовать эмоциональное состояние друг друга через тактильный контакт. Сейчас Агнес была одновременно возбуждена, напугана и абсолютно счастлива.

«Что дальше?» — спросила она.

«Я хочу спросить тебя кое о чем важном», — серьезно сказал Дрейк. «О том, что происходит с нами физически. Мои врачи говорят, что мой метаболизм замедлился. Я ем мало, но не чувствую голода. Твои целители говорят, что твоя температура упала ниже нормы. Мы оба становимся другими».

Агнес нахмурилась. Она отпустила его руки и приложила ладонь к его лбу. Дрейк вздрогнул — ее прикосновение всегда вызывало мурашки.

— Ты холодный, — констатировала она вслух. — Несмотря на уголь. Твое сердце бьется медленнее обычного. Я чувствую это.

— А ты... — он коснулся ее шеи, там, где билась жилка. — Ты как северный ветер. Но при этом твои щеки красные.словно лихорадка.

— Это не болезнь, — прошептала Агнес. — Это адаптация. Помнишь, что говорил Инквизитор? Мы перенастроены. Наши ядра сливаются. Создается новая структура. Метастабильная.

— Что это значит? — Дрейк взял ее за плечи, заставляя посмотреть ему в глаза. В темноте они казались черными провалами.

— Это значит, что мы больше не чистые элементы, — объяснила она. — Мы гибрид. Смесь плазмы и фотонной матрицы. Наше тело учится удерживать обе формы энергии одновременно. Процесс болезненный. Организм сопротивляется изменениям. Отсюда и перепады температур.

— Сколько это продлится? — спросил он, и в вопросе прозвучал страх потерять себя.

— До конца жизни, — твердо ответила Агнес. — Или пока кто-нибудь не найдет способ разделить нас силой. Но разделение убьет нас обоих. Ядра станут нестабильными. Произойдет цепная реакция аннигиляции.

Дрейк сглотнул. Картина лужи золота и черной сажи, описанная Маркусом, предстала перед глазами с пугающей ясностью.

— Тогда мы должны научиться контролировать это слияние, — решил он. — Использовать его. Если наши тела вырабатывают новый тип энергии...

— ...то мы можем стать сильнее, чем любой из наших предков, — закончила за него Агнес. В ее глазах зажегся исследовательский интерес. — Представь, Дрейк. Мы сможем создавать объекты, существующие вне законов физики. Запечатлевать моменты. Сохранять тепло навсегда.

— Или заморозить врага во времени, — мрачно добавил он. — Я не хочу становиться оружием, Агнес. Я просто хочу иметь возможность обнять тебя, не боясь, что один из нас превратится в пар.

— Мы найдем баланс, — пообещала она. — Начнем с малого. Например, с этого.

Агнес снова коснулась валуна. На этот раз она не создавала иллюзию поверх метки Дрейка. Она вплела свою магию в самую структуру камня. Золотые нити ее дара проникли глубоко внутрь гранита, связываясь с атомарной решеткой.

Через секунду на валуне появилось второе имя, написанное изящным каллиграфическим почерком:

ДРЕЙК

Под именами возникла маленькая корона, символ их нового, единого дома.

— Теперь это принадлежит обоим нашим родам, — сказала Агнес, отходя на шаг, чтобы полюбоваться работой. — Даже если завтра придут солдаты и разобьют этот камень молотками, имена останутся запечатанными в кристаллической решетке. Это наше первое совместное творение.

Дрейк смотрел на надпись, и странное чувство охватило его. Гордость. Облегчение. Надежда.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь пиши ты. Напиши вопрос. Я отвечу.

Агнес задумалась. Вопрос, который мучил ее последние дни, был сложным. Она хотела знать, чувствует ли он то же, что и она. Ту бесконечную тягу, потребность быть рядом, дышать одним воздухом.

Но такие слова нельзя доверить камню. Нужен был другой язык.

Она сконцентрировалась. Ее магия работала иначе, чем у Дрейка. Вместо разрушения структуры она добавляла новую информацию. Она представила образ цветка — простой ромашки, растущей на лугу. Затем добавила к нему эмоцию: ожидание, нежность, обещание.

На валуне, рядом с их именами, начала проявляться картинка. Сначала неуверенно, потом все четче. Лепестки, стебель, желтая сердцевина. Ромашка.

Дрейк уставился на рисунок. Он не умел читать образы так, как она, но суть уловил сразу.

«Ты скучаешь по солнцу?» — спросил он мысленно.

«Нет», — ответила Агнес. *«Я скучаю по тому, как ты улыбаешься, когда загораются первые звезды».*

Дрейк улыбнулся. Впервые за неделю эта улыбка не была вымученной или циничной. Она была настоящей.

«Тогда нарисуй ответ», — предложил он. *«Нарисуй, как бы ты хотела провести следующий день».*

Агнес закрыла глаза, собирая воспоминания. Утренний туман в саду. Горячий кофе. Его рука в своей руке. Тихий смех. Отсутствие масок.

Картинка получилась сложнее предыдущей. Две фигуры, идущие сквозь туман. Одна держит в руках фонарь, другая — букет ромашек. Над ними — восходящее солнце, лучи которого не слепят, а ласково касаются кожи.

Дрейк долго рассматривал изображение. Оно было живым. Казалось, если прислушаться, можно услышать шорох травы под ногами.

«Это красиво», — признал он. *«И страшно».*

«Почему страшно?»

«Потому что это реально», — ответил он. *«А реальность пугает моих родителей больше, чем любая магия».*

Внезапно Агнес напряглась. Она схватила его за рукав, прижимая палец к губам.

— Тише, — прошептала она вслух. — Кто-то идет.

Дрейк мгновенно погасил уголек. Темнота стала абсолютной. Он прижал Агнес к стволу ивы, закрывая своим телом. Через мгновение послышались шаги. Медленные, шаркающие. Садовник, проверяющий периметр.

Они замерли, не дыша. Агнес создала тонкую завесу тумана вдоль дорожки, искажающую звуки. Шаги прошли мимо, удаляясь в сторону оранжерей.

— Нужно уходить, — выдохнула Агнес, когда опасность миновала. — Скоро рассвет. Моя служанка придет будить меня с первыми лучами солнца.

— Завтра? — спросил Дрейк, не отпуская ее.

— Да, — кивнула она. — В это же время. Я попрошу Маркуса проверить систему охраны сада. Найду слабые места.

— Береги себя, — Дрейк коснулся ее щеки. — Если отец узнает, что ты помогаешь мне...

— Он решит, что я поддалась твоему демоническому влиянию, — усмехнулась Агнес. — Скажет, что ты околдовал меня своей темной природой.

— А это не так? — Дрейк приподнял бровь. — Я имею в виду, технически я демон. Сын бога разрушения.

— Ты мой демон, — поправила Агнес. — А я твоя ведьма. Пусть боятся.

Она отступила на шаг, растворяясь в тенях. Ее фигура становилась все прозрачнее, пока не исчезла совсем. Остался только шепот ветра в кронах ив.

Дрейк остался один в темноте. Он поднял руку к виску, нащупав жесткий стебелек бессмертной гвоздики. Цветок был теплым. Он впитывал тепло его тела, сохраняя его вечно.

Он посмотрел на валун. В темноте имена светились призрачным серебром — наследие Агнес — и рубиновым — след его огня. Символы их любви, вырезанные на теле мира вопреки всем запретам.

«До завтра», — отправил он последнюю мысль в пустоту.

«До завтра, мой огонь», — пришел отголосок ответа.

Дрейк развернулся и пошел к замку. Его шаги были легкими. Впервые за долгие годы он чувствовал, что движется не к тюрьме, а домой. Домой, где его ждали не стены и стража, а женщина, способная превратить камень в вечность.

Мир вокруг спал. Но в глубине старого сада, на сером валуне, две души продолжали говорить на языке, понятном только им двоим. Языке огня и тени.

Глава 5. Подпольная помощь

Седьмая ночь после встречи у ивы принесла с собой не туман, а ледяной осенний дождь. Вода стекала по водостокам замка Игнис, собираясь в грязные лужи во внутреннем дворе. Дрейк стоял у окна своей башни, глядя на то, как молнии освещают шпили храма Огня. Уголек Агнес лежал на каменной полке рядом с кроватью — он больше не был нужен для выживания, но стал якорем, удерживающим рассудок от соскальзывания в безумие.

За неделю их тайной переписки они выработали новый ритм жизни. Днем — маски послушных детей своих домов. Ночью — короткие вылазки к валуну под ивами, где гранитная скрижаль покрывалась все новыми символами их странного союза. Но сегодня ночью Дрейк не пошел в сад. Он ждал гостя.

Дверь скрипнула без стука. На пороге возник силуэт человека, закутанного в тяжелый плащ с капюшоном так низко, что лица было не разглядеть. От вошедшего пахло мокрой кожей, дешевым табаком и оружейным маслом.

— Ты опоздал на три минуты, Ржавый, — произнес Дрейк, не оборачиваясь.

Гость хрипло усмехнулся и сбросил капюшон. Перед наследником дома Игнис стоял мужчина лет сорока пяти, чье лицо напоминало старую карту дорог — сплошные шрамы, морщины и сломанный нос. Его левая рука была заменена грубым механическим протезом из меди и стали.

— В нижнем городе пробки, милорд, — прохрипел Ржавый, бывший сержант имперской разведки, ныне промышлявший «решением деликатных проблем». — Стража перекрыла мосты. Искали контрабандистов. Или любовников знатных дам. Я вечно путаю эти два понятия.

— Садись, — Дрейк кивнул на тяжелое кресло. — У нас мало времени. До рассвета патрули удваивают посты.

Ржавый тяжело опустился в кресло, которое жалобно заскрипело под его весом. Он достал флягу, сделал глоток и вопросительно посмотрел на хозяина.

— Выглядите паршиво, командир. Похудели. Глаза горят нездоровым блеском. Опять постились?

— Лечился от греховности, — сухо ответил Дрейк. — Отец решил, что если лишить меня мяса и вина, огонь вернется. Вместо огня вернулась язва желудка. Переходим к делу. Что ты узнал о планах Маркуса Люминара?

Лицо Ржавого мгновенно утратило шутливость. Он наклонился вперед, упираясь культей протеза в колено.

— Дело дрянь, парень. Твой старик играет опаснее, чем кажется. Официально перемирие нерушимо. Неофициально... Дом Игнис готовит подарок дому Люминара. Подарок, который должен взорваться прямо на Совете Старейшин через три дня.

Дрейк почувствовал, как внутри похолодело. Холод этот не имел ничего общего с магией Инквизитора. Это был древний, первобытный ужас перед бессмысленной жестокостью политики.

— Говори яснее.

— Слышал про грузовой дирижабль «Вестник»? — Ржавый потер щетину. — Тот самый, что возит шелка и специи из-за Моря Бурь. Завтра утром он должен зайти на дозаправку в порт Серебряных Башен.

— И что с ним? — Дрейк уже начал догадываться, куда ведет разговор. Порт Серебряных Башен находился на нейтральной территории, но контролировался людьми Корнелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.